

КАЛУЖСКИЕ СТРАНИЦЫ

*в творчестве
русских
поэтов*

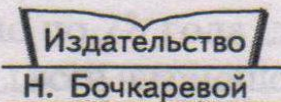

Калужская область
ПРЕДИСЛОВИЕ

Составитель: Александр Дмитриевич Березин

КАЛУЖСКИЕ СТРАНИЦЫ

*в творчестве
русских
поэтов*

Калуга 2003
Издательство
Н. Бочкаревой

ББК 84(2)

К17

Калужская государственная областная
научная библиотека имени В.Г. Белинского

Составитель *Анатолий Дмитриевич Берестов*

КАЛУЖСКИЕ
СТРАНИЦЫ

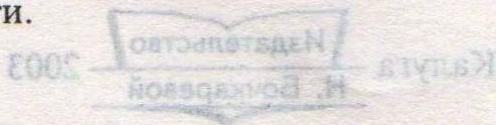
К17 **Калужские страницы в творчестве русских поэтов: Сборник стихотворений.** — Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2003. — 108 с.

ISBN 5-89552-076-6

В данную антологию творчества русских поэтов вошли представители как «золотого» (А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Д.В. Давыдов и др.), так и «серебряного века» русской литературы (В.Я. Брюсов, М.И. Цветаева и т.д.), а также такие классики отечественной поэзии, как И.С. Аксаков, А.Н. Апухтин, В.Д. Берестов и другие. Всех их объединяет связь с Калужской землей, любовь к нашему краю, приносящая новые строки в их поэтическое наследие.

Сборник содержит стихотворения калужских лет творчества русских поэтов, написанные в разных жанрах: лирической и пейзажной лирики, гражданской поэзии, басни и т.д.

Книга адресована краеведам, филологам, а также всем любителям русской словесности.

ISBN 5-89552-076-6

© Издательство Н.Ф. Бочкаревой, 2003

М.И. ЦВЕТАЕВА

Хотя Мария Ивановна Цветаева (1892–1941) родилась в Москве, мы по праву можем назвать ее нашей землячкой, потому что Таруса в немалой степени способствовала становлению ее как поэта. Наряду с Коктебелем небольшой городок в Калужской губернии стал тем местом, куда Марина Ивановна мысленно возвращалась на протяжении всей жизни. Дочь Цветаевой, Ариадна Эфрон писала: «Навсегда родными в памяти ее остались Таруса ее детства и Коктебель – юности, их она искала постоянно...». И сама Марина Ивановна в эмиграции говорила: «В Париже и тени моей не останется. Таруса... Коктебель да чешские деревни – вот места моей души. По ним соберете». На далекой чужбине воспоминания не раз возвращали Цветаеву к ее любимой Тарусе. В Париже она писала: «... не забыть хлыстовской Тарусы, точно нарочно данной отродясь, чтобы весь век ее во всем искать и нигде не находить».

Впервые семья Цветаевых приехала в Тарусу весной 1891 года, а в 1892 году И.В. Цветаев снял для своей семьи городскую дачу «Песочное», недалеко от Тарусы. В течении восемнадцати лет семья Цветаевых снимала эту дачу в летнее время.

Валерия Цветаева, сводная старшая сестра Марины, вспоминала: «В верстах полутора от Тарусы, на берегу Оки, была небольшая заброшенная усадьба с зимним садом, старым домом, службами. Усадьба эта принадлежала городу и сдавалась как дача. Наша семья, по долгосрочной аренде лет 20 жила летом в этой усадьбе. Тогда Таруса не была в моде. Это был маленький уездный городок, в стороне от железной дороги, в исключительной по красоте местности, никому не извест-

ной». Сама Марина Цветаева писала в своей автобиографической прозе: «Дача «Песочное» в двух верстах от Тарусы, совсем одна, в лесу, на высоком берегу Оки. С такими березами... Осень. Последние – ярко и мелко-розовые, безмянные, с чудным запахом, узнаваемые потом везде и всегда – цветочки в колеях».

Героями тарусских стихотворений Цветаевой становятся ее мать и сестра, красавица Ока, окрестные пейзажи и, конечно, сам автор с ее юношеским видением мира и переживаниями.

Марина Ивановна мечтала купить домик в дорогом ей городе. В 1913 году она пишет письмо М.С. Фельдштейну, юристу, профессору права, впоследствии мужу Веры Эфрон, с которым ее познакомил М. Волошин: «Слушайте! Когда у нас будет дом в Тарусе, обязательно приезжайте. Там липовый сад, два маленьких дома, коты, золотое вечернее небо и наше детство... Вблизи широкая голубая Ока, плоты, у нас будет лодка. Есть еще грустный-грустный, серый, чахлый базар с режущей душу музыкой, почта с никогда не приходящими долгожданными письмами, а потом воля, синие дали, огромные луга, костры, небо.

Там очень грустно, почти невыносимо жить. Все кажется прошлым и сном. Главное я забыла: чудные часы со штраусовскими вальсами. Это уже почти смерть, такая острая и сладкая тоска, такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, уплываешь.

В этих часах (часы дедушки Мейна в доме Тьо) – весь романтизм, вся боль обожания, вся жажда смерти – вся моя душа.

Но это далеко, далеко».

В последний раз она была в Тарусе в 1916 году. Но на протяжении всей оставшейся жизни мечтала вернуться сюда. Ей хотелось, чтобы ее похоронили на одном из тарусских холмов, и, понимая, что это невозможно, поэтесса мечтала о том, чтобы там был установлен камень с надписью: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева». Теперь эта ее мечта осуществилась. Такой камень был установлен.

Лесное царство

Асе

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на всё...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаще берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болота и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной – луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными,
Этот миг – он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И, как ветры, сгореть – на ветру!

Таруса, лето 1908

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду – сразу всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю я крест и шелк, и краски,
Моя душа – мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки,
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

Новолуние

Новый месяц встал над лугом,
Над росистою межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Таруса, октябрь 1909

Мама на даче

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венок.

Наша мама не любит тяжелой прически:
Только время и шпильки терять!
Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

В небе облачко плыло и плакало, тая,
Назвала его мама судьбой.
Наша мама теперь золотая,
А веноч у нее голубой.

Два веночка на ней, два венка, в самом деле:
Из цветов, а другой из лучей.
Это мы васильковый надели,
А другой, золотистый, – ничей.

Скоро вечер: за лесом луна загорится,
На плотках заблестят огоньки...
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

Приезд

Возгласами звонкими
Полон экипаж.
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш.

В экипаже песенки,
(Каждый о своем!)
Вот аллея длинная,
А в конце у лесенки
Синий водоем.

«Тише вы, проказники!»
И творит кресты,
Плачет няня старая.
Ворота, как в праздники,
Настежь отперты.

Вышла за колонки я,
Радостно до слез!
А вверху качаются
Юные и тонкие
Веточки берез.

Паром

Темной ночью в тарантасе
Едем с фонарем.
«Ася, спишь?» Не спится Асе:
Впереди паром!

Едем шагом (в гору тяжело),
В сонном поле гром.
«Ася, слышишь?» Спит бедняжка,
Проспала паром!

В темноте Ока блеснула
Жидким серебром.
Ася глазки разомкнула...
«Подавай паром!»

Осень в Тарусе

Ясное утро нежарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Всё повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но всё же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

В пятнадцать лет

Звонят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
Так с милым детством я прощаюсь, плача,
В пятнадцать лет.

Таруса, 1911

Ока

1

Волшебство немецкой феерии,
Темный вальс, немецкий и простой...
А луга покинутой России
Зацвели куриной слепотой.

Милый луг, тебя мы так любили,
С золотой тропинкой у Оки...

Меж стволов снуют автомобили –
Золотые майские жуки.

2

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство, верни нам, верни
Все разноцветные бусы –
Маленькой, милой Тарусы
Летние дни.

3

Всё у Боженьки – сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий,
Без конца шелухи под кустом!

Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.

4

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же солнцем и лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звенят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О дни, где утро было рай
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты,
А замком – царственный сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

5

В светлом платьице, давно знакомом,
Улыбаюсь я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,

Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но милый, нелегко мне:
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...

Вечер тих, – не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

